

Роман Медведев

Игра в свои ворота

Подзаголовок

16+

Роман Борисович Медведев

Игра в свои ворота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27108257

SelfPub; 2019

Аннотация

В этой книге история психически неготового к жизни в обществе человека. Отвергнутого, слабого, глубоко несчастного. Удел таких – невращения взросления. Но, что если такой обнаруживает в себе особенности? Особенности, которые позволяют ему разом исправить все имеющиеся недостатки и получить безграничную власть над обстоятельствами. Возникновение и созидание мира, где он властвует, а не пресмыкается. Это может завести слишком далеко, и не только в его фантазиях...

Медведев Роман

ПОВЕСТЬ

ИГРА В СВОИ ВОРОТА

г. Москва

1.

Начало этой истории было положено слишком давно. Так давно, что сегодня я чувствую себя стариком, вспоминая о днях начала. А ведь мне всего тридцать три. Впрочем, иные скажут: уже тридцать три. Но я не из тех. Я хотел бы жить дальше, а не прощаться с молодостью, списывая себя в утиль. И рука моя лишь крепче становится год от году. Но вот ведь... не сподобил меня создатель решать за себя.

Лежа и умирая, здесь, вдалеке от дома и привычного окружения, я лишь тешусь воспоминаниями. Тем, что замерло во мне подобно ледяному наросту, висящему рядом, и не оставит уже никогда. Эти воспоминания тяготят нечто, именуемое совестью. А с другой стороны до щемящего зуда приятны, отчего расчесываешь их и расчесываешь. Покуда уж кровью не засочатся. Ведь они по большому счету – все мое достояние. Такие какие есть. Другими им уже не стать.

Режиссер-время не предаст их монтажу и коррекции. Манипуляций с правдой не будет.

Я окупусь в них теперь в последний раз. Быть может рассужу себя по той упомянутой совести. Прежде, чем осудит та... Другая. Та, кто видит еще больше, чем я.

Воспоминания о детстве. Воспоминания обо всем и обо всех тех событиях, которые и привели меня в конечном итоге в этот ледяной сугроб...

***

Итак, это началось давно. Пожалуй, невозможно с полной уверенностью сейчас сказать, какой из эпизодов моих совершенных для восприятия галлюцинаций стал первым в жизни. В то время я, как и любой другой нормальный ребенок, еще не мог придать должного значения собственным переживаниям. И скорее от испуга отказывался от них в пользу серого, но привычного окружающего быта. Но все же...

Я родился в январе 1968 года, в семье, по-анкетному – служащих.

Роды прошли без осложнений. Маму на следующий день после семейного празднования нового года отец увез в ближайший роддом, где, спустя несколько часов, я первый раз подал голос. Никаких особенных обстоятельств, сопутствующих появлению младенца на свет, не было. За исключением, пожалуй, того, что я родился «в рубашке». Мама доволь-

но часто упоминала об этом и именовала сей дефект не иначе как чудом. Наверное, у нее были на то причины.

Моя семья жила в тесной, хоть и трехкомнатной, квартире на третьем этаже панельного девятиэтажного дома. Еще помню времена, когда с нами был дедушка. Он проживал в отдельной комнате с балконом. Вид с балкона был не ахти какой, горизонт заслонял стоящий напротив дом-близнец. Но и об этом я узнал только после смерти дедушки. До того его комната напоминала Форт Нокс, своей неприступностью. Дед умел держать оборону даже от родного внука. Хотя, чего уж там, буду откровенным – особенно от родного внука. Которого он и терпеть не мог. «Сопливая жопа» – самое ласковое, на что мне приходилось рассчитывать от дедушки в свой нежный возраст.

Папа. Это был практичный и немногословный с домочадцами человек. Любящий мастерить все и вся по дому, заткнув за ухо огрызок карандаша и бормоча под нос сопутствующие ожидаемому успеху заклинания. Папа все делал сам. Ломал, чинил, строил и, зачастую, ломал снова. Ревностно относился к членам семьи, ломавшим что-нибудь без его на то санкции. Бранился. Никогда нога работника бытового сервиса не переступала порог нашей квартиры. Папа чувствовал себя вполне самостоятельным в этом отношении.

В нашей квартире под папиным усердием отпочковались: уголки радио-электронщика, столяра-плотника, сантехника, автомобилиста и стеллаж разнорабочего. Мой трудолюбивый

вый родитель умел перевоплощаться в рамках любой из указанных ипостасей. Ну и, разумеется, у него был импровизированный кабинет, оттяпавший бо́льшую половину гостиной при посредничестве гипсокартонной перегородки. Стены кабинета украшали корешки скучных технических книг. Я силился и не мог представить, как папа мог играть с ними, ведь в некоторых и вовсе не было картинок. Зато, с его слов, они поглощали звуки. У окна кабинета врос огромный пульман. Под оргалитом на письменном столе лежала памятка: «Не ошибается тот, кто ничего не делает!» Папа делал и ошибался. Лучшим свидетельством тому явился ваш покорный слуга...

Папа работал на авиационном заводе и был, цитируя многочисленные грамоты и поздравительные открытки, – «... талантливый и преданным своей работе инженером-передовиком ...». Сказать, что он любил свою работу – равносильно молчанию. Он обожал ее. Отдавал всего себя, оставляя нам лишь крохи. К слову, ощутимые вполне. Отчего я лишь со временем смог представить себе всю масштабность его натуры и искренне сожалеть о дефиците папиной энергии дома.

Папа не раз награждался медалями, грамотами и рос по служебной лестнице. Благосостояние нашей семьи полностью зависело от него. И мы жили достаточно хорошо по сравнению с соседями по дому и моими впечатлениями от семей сверстников. Хотя мы почти никогда не принимали гостей.

Мой папа был скромным и, как я уже упоминал, молчаливым человеком. На работе он, с подобающим ему усердием, стремился в первую очередь занять отдельный кабинет. Общество зачастую раздражало его. Люди определенно мешали ему отдаваться полностью своим мыслям, и расстраивали складывающиеся в голове структуры формул, чертежей и расчетов.

Помню повторявшуюся изо дня в день картину: папа стоит у окна, сложив за спиной руки и вперив глаза в неведомые окружающим дали. Я всегда побаивался своего отца и, можно сказать, не доверял ему.

Совсем иначе все было с мамой.

Моя мамочка. Она была настоящей хозяйкой дома. Увлеченной, как и отец, работой, но живущей при этом своей семьей. Была её душой. Да и руками с ногами тоже, не в укор папе будет сказано.

Мама была логопедом детского сада. Теперь сложно судить, но мне всегда казалось, что она не любила детей и занималась работой исключительно ради удовлетворения собственных амбиций. Она использовала несчастных деток как подопытных существей, экспериментируя в столь ограниченной области, как логопедия.

Другое дело ее отношение ко мне. Мне с детства доставалась от нее вся доброта и ласка, на которую только мама была способна. Она часто проводила время со мной. Я съедал её всю. Вампирил, покуда на глаза матери не опускалась пе-

лена, и она не впадала в эйфорию детства.

С мамой я мог говорить о чем угодно и советоваться на любые темы. Ну, конечно, до того момента пока у меня не появились *свои игры*.

Мать была худощавой, высокого роста женщиной. Ее лицо с высоким лбом и длинным заостренным носом ни у кого не повернулся бы язык, назвать заурядным. Сквозь тонкую кожу виднелась сетка голубых сосудов. Большие черные глаза почти всегда блестели. Она носила длинные каштановые волосы, которые собирала в пучок, когда шла на работу и всегда распускала дома.

Насколько помню, на папином столе неизменно находилась их досвадебная фотография. На ней мама в летнем платье, смеясь, склонила голову, а папа обнимает и смотрит на нее. Этот его взгляд наполнен такой нежностью и любовью, что мне порой казалось – это не мой отец. Воочию такого взгляда я у него не видел никогда.

Родители жили мирно. Во всяком случае, я не припомню громкой ругани в нашем доме. Со мной, как я уже упоминал, общалась в большинстве случаев мама. Читала книги, играла, учила. Папа лишь изредка позволял себе позаниматься с сыном. В моей энергии он не нуждался.

Этот мир я и называл своей семьей.

Давно стемнело. Наверное, около десяти часов. Посмотреть на часы и удостовериться в этом уже нет возможности, хотя вот они рядом, на руке. Стало чертовски холодно. Мне просто необходимо отвлечься и переключиться на что-нибудь. Надо дожить до ночи и там снова придет ОНА...

***

В детский сад (увы, не мамин) меня отдали в возрасте четырех лет. До этого со мной сидела смотрительница. Я плохо ее помню. Пожалуй, только связанный с ней случай, когда я опрокинул себе на руку чашку с оставленным ею только-только вскипевшим киселем. Я истошно визжал, с ужасом взирая на огромные волдыри, наступавшие на руку, а няня достала из сумки образки и неистово крестилась на него... Но мы продолжали дружить. С ней я научился еще до сада худо-бедно распознавать алфавит и даже начал что-то карябать на бумаге.

Когда меня привели первый раз в детский сад, я, прежде всего, поразился живописи на стенах. Это были: банальные цветочки, паровозы в облаках, чудовищных размеров винни-пух и горы. Именно горы я помню по сей день. Снежные верхушки, из-за которых выглядывало, может быть, чересчур оранжевое, солнце. Но и с ним они искрились ледяными кристалликами, представившимися моему воображению. В них даже прорастали ели. Тогда мне казалось, что ничего

более чудесного я не видел и уже не увижу. Впоследствии, закончив школу, я специально пришел снова в свой садик с тем, чтобы непременно взглянуть на те прекрасные горы. Но, увы, к тому времени неизвестный художник «насадил» вместо них березовую рощу.

Открыв рот и уставившись на рисунок, я стоял, показавшись, вечность. Мама улаживала кое-какие вопросы с воспитательницей и давала ей ценные наставления, которые та (конечно же!) должна была выполнять. А я стоял и не замечал никого вокруг. Передо мною раскинулась горная цепь. Затмившая с такой легкостью действительность и все детские страхи, присущие новому месту.

Но реальность слишком скоро напомнила о себе. Несмотря на то, что я беспрекословно шел по утрам в сад и даже хотел туда идти, там все как-то сразу оказалось против меня. Отношения со сверстниками не заладились. Я не умел играть «как надо» и совершенно не умел давать сдачи. Поэтому, хоть я и был почти на голову выше остальных детей в группе, все равно впал в разряд беззащитных особей жалкого свойства. Ежедневная порция пинков и подзатыльников от не принявших меня детей составляла лимит общения с ними. Мой ответный рёв был высшей наградой для одноклассников.

Как опытный пастух, ведомая стадом, воспитательница моей группы не разменивалась на сантименты. Ее личные заботы не уживались с индивидуальностью на работе. В кон-

це концов, предполагаю, рассуждала она, характер ребенка – забота родителей. А тарифная сетка оплаты ее труда не несла премиальных за жертвенность. Посему, воспитательница обычно давала брейк ближе к концу наших сражений и отводила меня в отдаленный угол спальни. Там она совала мне в руки первую попавшуюся игрушку и, поводя перед носом толстым наманикюренным пальчиком, советовала ни к кому не лезть и играть самостоятельно.

Это был добрый с ее стороны совет. Во многом, восприняв именно его, очень часто и еще с самого раннего возраста, мне пришлось научиться подключать фантазию и пытаться забыть об одиночестве, играя с вымышленными друзьями в придуманном мире. Что с успехом и получалось. Я не припомню даже, что очень сильно из-за такой изоляции и расстраивался.

Впрочем, было и светлое пятно в темной досаде детсадовского прошлого. Голубоглазое чудо под именем, то ли Даша, то ли Наташа. Такая маленькая юла, всегда в пестрых нарядах, раздурманенная и веселая. Являвшаяся полным мне антитепом. И настолько милая внешне!

Я любовался ею слюнявля (правда, только в детском саду и ни в коем случае дома) большой палец, а она меня не видела. Я был для нее шкафом, тумбочкой, пылью на полу. Безликим атрибутом обстановки. Иногда «в меня можно было играть», кидаясь пластилином за компанию с остальными. Но я не обижался. Как и к спальне, я привык к этой роли со

временем.

Глядя на нарисованные горы, мне грезилось счастье: моя девочка в горах под солнцем и я, спрятавшись поблизости, наблюдаю за ней. Она все чаще стала появляться в моих играх, как в углу спальни, так и дома. Как раз в этот период, в первый раз и произошло то, что впоследствии стало моей *настоящей* жизнью, моей настоящей *игрой*.

Я хорошо помню тот день. Понедельник. Днем ранее мы гуляли с мамой по лесу, и она рассказывала сказку. Чудесным способом она увязывала всемогущего главного героя со мной. Как сладко было поверить в слова, пребывающей в блаженном неведении мамы, о моей незаурядности. Я вновь услышал о своем рождении в рубашке. Увидел ее мысленным взором, голубую и красивую, лежащую где-то в маминих вещах и ждущую своего часа. На следующий день меня отвели в сад...

3.

Прекрасное зимнее утро. На голых ветвях живописно застыли хлопья ночного снега. Белый пушок на время прикрыл черноту города, который уже спешит поправить это, раскрашивая дорожки мазками песка с солью. С бамперов машин свисает смешная борода из сосулук.

Меня тянут за руку слишком быстро для того, чтобы я успел налюбоваться зимой. Мама торопится на работу

и меня нужно скорее «сдать». На этот раз она тащит новые санки, которые (уж я то знаю) мне совсем не пригодятся. Но родители не в курсе того. Ах, если бы друзья, которые помогли бы кататься или, на худой конец, воспитательница потаскала бы за веревочку! Все это могло бы быть у других, но не у меня. Поэтому, тащи мама мои новые санки, с разноцветными деревянными перекладками, прямиком в детсадовский склад, где на них может быть присядет хоть дворник, чтобы выкурить свою густую папиросу.

Итак, меня привели, сдали воспитательнице, поцеловали в щеку и пожелали удачи. Да. Все как всегда. Но я еще не знал тогда, что удача улыбнется мне сегодня, скорее всего, в первый раз в жизни по-настоящему.

В тот день все дети, как обычно, во что-то играли. Я тоже играл, но сам с собою. Помню, как трое ребят долго строили волшебный замок из кубиков, палочек, конусов и прочего, что попадалось им под руку. Замок вырос до огромных размеров, и почти все дети группы бросились доводить его до совершенства. Началось строительство дорог и подъездных путей. Заборов и газонов. Стуча пластмассой, грузовики подвозили все новые и новые материалы. В ход пошли даже туалетные горшки. Достижение детской архитектуры взяли под охрану разнокалиберные солдатики и животные всех мастей.

Воспитательница, не скупясь на похвалы, взорвала хлопущку в потолок и созвала всех на занятия «развитием».

Удивительно, но, вспоминая сейчас тот день, я помню каждую мелочь, вплоть до деталей одежды своих одноклассников и мешковатого одеяния воспитательницы. Она восседала за столом, на котором были разложены книги и ее мятая тетрадка. Сидя в темно коричневом балахоне и такого же цвета шерстяной длинной юбке, она постукивала концом шариковой ручки о стеклянную вазу с подвядшими гвоздиками.

В тот день мы все должны были «развиваться» играя в загадки-ассоциации. Каждый говорит о чертах им загаданного предмета, а остальные сыплют версиями, демонстрируя собственное воображение и эрудицию. Награды за отгаданное не предлагалось, если не принимать за таковую улыбку воспитательницы, сверкавшую золотым протезом.

Очередь дошла и до меня. Я стоял позади всей группы и в тайне надеялся, что про мое существование счастливо позабудут. Но зоркое око воспитательницы выловило мою предательски выдающуюся макушку из-за спины толстого мальчика, в порванных на коленке колготках. Она звонко презентовала всем, что теперь Матвеев загадает свой лот. Удивит так сопливаю общественность.

Полагаю, она хотела, чтобы я постепенно все же вливался в коллектив, нашел друзей и зажил их нормальной жизнью. Не исключаю, что она была преисполнена самых благих намерений по отношению ко мне. Но в тот момент я желал лишь запустить предметом потяжелее по ее лучезарно ска-

лящейся физиономии. Ведь она попросту не оставила мне выбора. Придется думать над загадкой. Хотя бы просто попытаться это сделать.

Во внезапно возникшей тишине, будто в вакууме стихших голосов детей, я буквально ощущал на своей макушке, буравящий меня взгляд воспитательницы. Он виделся мне хищным и беспощадным, отчего волосы, похоже, пришли в движение. Я стоял с опущенной головой, и, силился привести в равновесие вспыхнувшие эмоции. По шуршанию одежды вокруг, превратившемуся от этого вакуума в нестерпимый шум, волнами накатывающийся, я ощущал, как стал центром внимания. Ягненком, нелепым образом, оказавшимся в центре волчьей стаи. Каждый удар маленького сердца отдавался в моей груди глухим ударом поминального колокола, а в ушах гудело давление.

Придумать что-то в такой обстановке абсолютно не представлялось возможным. И тщетно пытаюсь задать, пускай простейшую, глупую, но хоть какую-то загадку, чтобы затушить это адово пламя, я вспоминал все, что когда-либо видел в своей жизни. Увы, образы проносились мимо, не оставляя в памяти ни малейшего следа.

И вдруг, в тот момент, когда я уже всем телом чувствовал, как воспитательница закрипела зубами, открывая пасть, чтобы спалить меня заживо, я выпалил: – Она голубая! На мне! И я вырасту самым умным!

Я поднял, блестящие от предательски выступивших слез,

глаза и победоносно оглядел мою главную судию. Радость, охватившая меня, не имела пределов. Ее удивленный взор доставил несравнимое наслаждение. Дети также пребывали в замешательстве. И это тоже была победа. Все они впервые видели торжество счастья на моем лице.

Воспитательница справилась с эмоциями, стукнула шариковой ручкой по вазе и, чуть наклонившись вперед, нараспев произнесла: – Ну, дети. Кто знает ответ на Алешину загадку?

Дети зашумели и, недоверчиво поглядывая на меня, стали предлагать варианты: река, цветок, машина, а маленький Петя был, пожалуй, ближе всех к ответу, сказав, почему-то, простыня. Но никто из них не угадал мою рубашку. И когда я, на все предлагаемые ими варианты, молча и даже торжественно ответил отрицательным кивком головы, воспитательница вновь взяла на себя руководство: – Ну что ж Матвеев, расскажи теперь всем ребятам об этом загадочном предмете.

Мне уже не хотелось рассказывать ВСЕМ о своей волшебной рубашке, но другого выхода не было, и я принялся объяснять: – Это рубашка... Это моя рубашка, в которой я родился. Она голубого цвета. Все дети, которые рождаются в таких рубашках самые счастливые, умные и умелые. Так мне сказала моя мама. Правда, я никогда не видел свою рубашку, но, когда пойду в школу, я ее надену, – мне казалось, я дал исчерпывающий ответ и вполне заслужил похвалу, стоя в ожидании поклонения воспитательницы. Однако то, что

произошло дальше, никак ни вязалось с ощущаемым мной успехом. И даже теперь, при воспоминании того дня, у меня как будто все съеживается внутри. Хочется свернуться калачиком, закрыть голову рукой, и спрятаться. От себя же самого.

– Наверное, Алеша, я вынуждена буду не засчитать твою загадку и тебе придется задуматься над другой, поскольку та рубашка, о которой ты ведешь речь, не существует! Она есть, но, увы, не такая как тебе кажется. Твоя мама не объясняла, что значит родиться в рубашке, потому что ты слишком мал, чтобы понимать такие вещи. Но одеть тебе ее не придется... Ну что ж дети, продолжим, а Матвеев без своей «волшебной рубашки» подумает еще, – она улыбалась.

Я, стоя с раскрытым ртом, менял окраску по бардовому спектру, плавно переходя все к более темным оттенкам. В груди рос и рвался наружу крик отчаянья. Осматриваясь вокруг, я видел как дети, тыча в меня пальцами, начали хихикать. Кто-то, прикрывая рот, а кто-то, смеясь в открытую. Воспитательница стала приподниматься над столом, успокаивая их, но тут мальчик с рваными колготками, стоявший передо мной, повернулся и... на его лице оказалась улыбка. Может быть, он всего то хотел приободрить меня и успокоить, но я видел только эту «жирную», наглую улыбку. Размытые слезами очертания его физиономии, превратили лицо толстого мальчика в морду, насмехающегося надо мной монстра. Звуки вокруг стали глуше и раскатистее. И я взо-

рвался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.